

Историко-этимологический анализ глаголов лексико-семантического поля интеллектуальной деятельности в русском языке

В статье проводится этимологический анализ корневых морфем, лежащих в основе семантического поля ментальности русского языка (-мысл', -дум-, -мудр-, -м(и)н/-мя-, -зна-). Также с исторической точки зрения рассматривается лексико-семантическая группа глаголов понимания. Выявлены лексические единицы, которые приобрели значение понимания в ходе развития языка.

This article is devoted to the etymological analysis of root morphemes that lie in the basis of the mental semantic field in the Russian language. Lexical-semantic group of the verbs of understanding is considered from a historical point of view. Units that acquired the meaning of understanding during an evolution of the language are revealed.

Ключевые слова: ментальное поле, глаголы мышления, глаголы понимания, этимология, праиндоевропейские корни, древнерусский язык, мысль, понять.

Key words: mental field, verbs of thinking, verbs of understanding, proto-Indo-European roots, old Russian, thought (idea), to understand.

Все лексические единицы, соотносящиеся с понятием 'мыслить', образуют ментальное поле. Оно представляет собой нечетко очерченное поле, имеющее достаточно четкое ядро. Поле ментальности взаимодействует с другими полями, создавая перекрывающиеся друг друга ареалы [3, с. 22].

Данная статья посвящена анализу происхождения отдельных единиц ментального поля, а также этимологии корневых морфем, лежащих в основе большинства единиц поля интеллектуальной деятельности русского языка. В научной литературе весьма распространен термин «ментальные предикаты». Их исследованию посвятили свои работы такие видные языковеды, как В. Г. Гак, Ю. Д. Апресян и др. [1; 2; 3; 4; 8; 9]. Эти глагольные единицы обычно связываются со сферой умственной деятельности и рассматриваются в рамках различных семантических классов, подклассов, имеющих отношение к ментальности [8, с. 70]. В нашей работе наряду с терминами «ментальное поле» и «поле ментальности» для обозначения мышления и связанных с ним процессов мы будем использовать термины «интеллектуальная деятельность», «глаголы и поле интеллектуальной деятельности», введенные и используемые представителями Уральской се-

мантической школы Э. В. Кузнецовой и ее ученицей Л. Г. Бабенко [15, с. 5]. Самой хорошо исследованной областью названного поля является лексико-семантическая группа глаголов мышления, которой по праву отводится центральное место среди предикатов интеллектуальной деятельности. В древнерусском языке глаголов мышления было достаточно много: мыслити, думати, гадати, судити, мудрити, мудрствовати, мудровати [6, с. 40]. И. И. Макеева отмечает, что в современном русском языке семантическая структура глаголов думать и мыслить значительно отличается от их структуры в древнерусском языке.

Глагол мыслити был известен еще в старославянском языке, где он имел три значения: 1) «мыслить, размышлять, думать», 2) «иметь намерение, замышлять» и 3) «злоумышлять» [6, с. 40]. Те же значения были у него и в древнерусском языке, где слово встречается с XI века (Изборник Святослава 1076 г., Остромирово Евангелие 1056-1057 гг.). Все три значения сохранились у слова по XVII век включительно. В современном русском языке значение мыслить определяется как «рассуждать, сопоставляя явления объективной действительности и делая выводы»; «думать, полагать, считать» возможно только как устаревшее значение слова [11]. Таким образом, в древнерусском языке акцент был сделан не на способности мыслить, а скорее на мысли о чем-либо, на самом предмете мысли.

Глагол думати имел те же три значения, но в старославянском языке не встречался, хотя и принадлежит к праславянскому лексическому фонду. Сфера его употребления – рукописи, летописи и памятники других жанров XI - XVII веков [6, с. 41]. Уже в конце XVII века глаголу думати стало свойственно значение «считать, полагать», что значительно сближает его с современным вариантом употребления. В своем главном значении «думать, размышлять» глаголы думати и мыслити были противопоставлены глаголу мнити (мьнети), известному еще в старославянском языке, основное значение которого было «полагать, считать». В этом случае акцент делается не на самом мыслительном процессе и не на размышлениях о предмете, а на наличии той или иной точки зрения, мнения, которое, как правило, является ложным: Начняше мнети мужа ю суца (Патерик Печ., 144); Ни жена зла, но блуд, ни богатство зло, но сребролюбие ... ни разум, но мнети себе ведца (Васс. Патр., 564) [6, с. 42].

Обратимся к происхождению вышеуказанных глаголов. В этимологическом отношении глагол думать – темное и спорное слово. Многие языковеды считают его заимствованием общеславянской эпохи из германских языков. П. Я. Черных в своем словаре приводит ряд родственных, по его мнению, слов: совр. датское *dom* – «мнение, суждение, приговор», древнеангл. *Dom* с таким же значением, соврем. англ. *Doom* – «рок, судьба, приговор» [18, I, с. 274]. Однако это объяснение не без основания оспаривается другими языковедами. По мнению чешского лингвиста-этимолога В. Махека, корень здесь тот же, что в общеславянском **myslъ* и

в греческом *mythos* – «речь, слово, совет», «замысел», «слух» [цит. по: 18, I, с. 274]. П. Я. Черных ссылается на Ю. Покорного, упоминавшего о существовании корней **meudh-*: **mudh-* – «стремиться к кому-либо или чему-либо», и говорит о перестановке согласных ($m : d > d : m$), в результате которой появилось **dum-*, а не **myd-* [цит. по: 18, I, с. 274]. По мнению Г. Якобсона, глагол думать с этимологической точки зрения изначально не принадлежал к ментальным глаголам. Однако уже достаточно рано в его семантике произошли значительные изменения. Праславянское **duma* связывают с **dux-* / **dyx-* / **dъx-* и с **dъmq*, **dqti*, **dumatī*. Направление семантического развития устанавливается следующим образом: славянское **duma*: ‘дыхание’ – ‘(произнесенное) слово’, откуда затем значения «совет» и «мысль». При этом глагол был первичным [18, I, с. 274]. Доказательством данной теории может являться тот факт, что древнерусское *dumati* имело значения «говорить, советуя» и «совещаться, советоваться».

То есть, как видим, ученые расходятся в теориях происхождения глагола думать. Однако если принять точку зрения В. Махека и Ю. Покорного, то мы можем говорить о так называемом «ментальном» происхождении этого корня.

Целую теорию о происхождении славянского **myslь* и родстве ментальных корней выдвинул в своей статье В.Н. Топоров [10, с. 5-13]. Считая славянское **myslь* закономерным отражением праславянской формы **mud-slio-*, он возводит **myslь* все к тем же корням, о которых говорил Ю. Покорный, - **mudh-* : **moudh-* – вплоть до греческого *mythos* и говорит о наличии элемента славянского **myslь* в сопоставляемых с этим словом примерах в других индоевропейских языках (греческом, готском и т.д.)

Анализируя далее группу слов, образующих семантическое поле со значением «мыслить, думать», «иметь мнение», В. Н. Топоров отмечает, что около половины всех примеров так или иначе восходят к индоевропейскому корню **men-* (древнеинд. *Man*, литовск. *Manyti*, старослав. *Мьнети*, *менити*, готск. *Munan*, др.-верхненем. *meinen*, древнеангл. *Munan* и др.). Исследователь говорит об известном параллелизме между *mysl-* и *тъп-* (**men-*) и о возможности проверки славянского *myslь* на происхождение от индоевропейского **men-* с тем же кругом значений, так как *mysl-* зачастую выступает там, где в других индоевропейских языках обычны слова с корнем **men-*. В качестве доказательств родства *mysl-* и *тъп-* (**men-*) В.Н. Топоров приводит несколько аргументов, в том числе один семантический критерий: из всех известных в индоевропейских языках принципов выражения понятия «мудрый» только обозначение с помощью *-*men-*, характеризующего особого рода душевное движение, умственную деятельность, оказывается действительным и для выражения понятия «мысль». Другие же принципы обозначения понятия «мудрый» («ясновидящий», «острый», «быстрый», «искусный» и т.д.), как правило, не используются для выражения идеи «мысль». Следовательно, если совокупности способов выражения

понятия «мудрый» и «мысль» представить в виде двух множеств, то окажется, что они пересекаются, причем общей частью является как раз та, которая содержит наименования по принципу обозначения особого рода духовной деятельности (корень *men-). Таким образом, В.Н. Топоров убедительно доказал родство славянского *myslь и индоевропейского *men-.

Более того, к этому же корню восходит еще два очень важных гнезда ментального поля: 1) древнерусское мнити (мьнети) [18, I, с. 536] и исторически однокоренные ему память, помнить, мнение, воспоминание и т.д. (в данном случае родство *men- и мьнети вполне очевидно); 2) словообразовательное гнездо с корнем -мудр-. По данным словарей, о.-с. *mQdrь восходит к и.-е. базе *mendh-:*mondh- [18, I, с. 547], от которой образованы греч. Manthanō «понимаю, учусь, узнаю», алб. Mund «может», которые, в свою очередь, по мнению М. Фасмера, связаны с и.-е. *men-. Таким образом, корень *men- явился основой, отправной точкой для многих индоевропейских корней со значением интеллектуальной деятельности.

Наряду с глаголами мышления еще одной важной составляющей поля ментальности является группа глаголов понимания. Центральную часть рассматриваемой группы занимают те единицы, для которых значение понимания является первым и основным. Таковыми в современном русском языке являются глаголы понимать / понять, постигать / постичь, разуместь, уразумевать / уразуметь, вникать / вникнуть, сознавать / сознать, осознавать / осознать, осмыслять, осмысливать / осмыслить, соображать / сообразить. Названные глаголы образуют синонимический ряд, а с точки зрения семантического анализа все они объединены наличием категориально-лексической семы 'осуществление интеллектуальной деятельности'. Однако обратимся к истории языка.

Глаголы понять / понимать, являющиеся безусловной доминантой группы глаголов понимания по количеству употреблений и своей сочетаемости, в современном русском языке имеют только «ментальные» значения, то есть используются исключительно для обозначения интеллектуальной деятельности. Однако этимология этих глаголов говорит о совсем не ментальном их происхождении. Понять и понимать произошли от приставочных глаголов приобщения объекта яти и имати. Семантика приобщения объекта особенно видна в однокоренных приставочных образованиях принимать, взять, поймать и т.д. Глаголы яти, имати, а также имети восходят к общему корню, в качестве которого исследователи приводят различные варианты: А. Мейе – индоевропейский *em, С.Б. Бернштейн – праславянский *ьm, М. Фасмер, В. Кипарский – *jьm. Эти различия связаны с рядом фонетических процессов, происходивших в корневой морфеме. Можно предположить, что в праиндоевропейском корень этих глаголов состоял из одного согласного – это был краткий диезный слоговой сонорный *-m- [цит. по: 7, с. 133]. Однако обратим внимание на тот факт, что в словаре русского языка XI-XVII веков [13] и словаре

И. И. Срезневского [14] глагол понятия как отдельная единица не дается. Он приравнивается к глаголу понятия – получить, взять в собственность. То есть, по сути, понятие значило понятие, занять что-либо, но не в собственности, а в голове. Анализ дефиниции понятия в словаре Срезневского показывает, что значение «понять, постигнуть, постичь» стоит лишь на последнем, одиннадцатом месте, а в словаре XI-XVII веков – на последнем восьмом месте в ряду значений.

В словаре древнерусского языка XI-XIV веков лексема понимать все же присутствует и иллюстрируется всего одним примером из памятника XIV века: ничтоже оно не понимающе... (Григория Богослова 16 слов, XIV век) [12, VII, с. 171]. Картину употребления этого глагола проясняет такой известный памятник древнерусской письменности, как Успенский сборник: форма понятия там вообще не встречается, а глагол понятия употребляется 66 раз, из них лишь единожды в значении «понимать»: не могу своимъ оумьмъ которьли въ невесть понятия [16, с. 659]. Все остальные случаи соотносятся со значением «взять» или «взять в жены»: поими с собою слоугы; поя мя; поимъ же женоу.

Из вышесказанного имеются два следствия: 1) глагол понимать как самостоятельная единица поля интеллектуальной деятельности появился не раньше XIV века; 2) если в древнерусском языке глаголы понятия / понимать до XIV века не были зафиксированы, а понятия употреблялся в значении приобщения объекта, то какими же средствами выражалась семантика понимания? Какие лексические единицы использовались в этом значении?

В современном языке эквивалентами понимать являются глаголы постигать / постичь / постигнуть. Согласно словарной дефиниции толкового словаря русских глаголов, постигать – понимать смысл, сущность, содержание чего-л., уясняя их себе, проникая и доходя разумом до значения чего-либо [15, с. 313]. Как правило, глаголы постигать / постичь / постигнуть подразумевают более высокую степень понимания. Обращает на себя внимание сочетаемость этих глаголов. На месте объекта понимания (постижения) не может оказаться что-то простое, банальное и обыденное. Постижение сопряжено с трудностями и чем-то очень важным, часто абстрактным, а не с простым пониманием ситуации: Трудно постигнуть законы индивидуального творческого процесса. Юный зритель не всегда в состоянии постичь смысл того, что он видит [15, с. 313].

Всмотревшись во внутреннюю форму глагола постигать, мы без труда увидим его родство с такими единицами, как настигать и достигать, то есть глаголами ЛСГ движения. Иными словами, постичь что-то значит «прийти к чему-то, к какому-либо знанию, достичь понимания». Действительно, данные историко-этимологического словаря [18, I, с. 265] подтверждают связь постигать с глаголами движения. Постигать - о.-с. Корень *stig (ср. стьга – «путь, дорога, тропа», СТЕЗЯ) < о.-е. *steigh – шагать, спешить,

возвышаться; < др.-греч. *Steho* – иду, подхожу, поднимаюсь. Таким образом, постичь – это значит «пройдя определенный путь, прийти до чего-то». Анализ словоформы постигнуть в Словаре Срезневского также показывает, что первыми и основными для этого глагола были значения движения, а значение понимания опять стоит на последнем месте и не является для этого глагола первичным [14, II, с. 1262]. Абсолютно аналогичную картину наблюдаем в словаре древнерусского языка XI-XIV веков, где значение «постигать, понять» фиксируется последним, после пространственных значений «настигать, догонять».

Однако примеры ментального употребления все же имеются: постигати разумомъ; человекьскае житие постигати; человеколюбие постигати [12, VII, с. 296]. Обратим внимание, что объекты постижения – человеческое житие и человеколюбие, как и отмечалось ранее, весьма абстрактны и глобальны по своей сути.

Еще один синоним, глагол вникнуть, также, как и постигать, предполагает более глубокие знания о предмете, чем глагол понять. Это подтверждается словарным определением и сочетаемостью глагола вникнуть: – вдуматься, понять суть чего-либо, разобраться в чем-либо. Да ты вникнул ли хорошенько, что значит переехать — а? Верно, не вникнул? [11]. Новому секретарю пришлось вникать в особенности работы строительной фирмы и ее финансовые трудности. Прочитав документы, она быстро вникла в суть дела [15, с. 320].

Эти и другие примеры употребления в современном языке показали, что глагол вникнуть чаще всего употребляется с такими дополнениями, как вникнуть в суть, в тонкости, особенности чего-либо, что доказывает высокую степень интенсивности мыслительной деятельности при глаголе вникнуть. Наличие высокой степени интенсивности у глагола вникнуть подтверждает и однокоренное ему слово проникнуть (то есть попасть внутрь). Таким образом, сам корень будто указывает на детальную и тщательную проработку информации.

Однако этимология корня -ник- не дает ясного пути зарождения этого «ментального» значения понимания. П.Я. Черных связывает вникать с индоевропейским корнем *ni-, *nei- (тем же, что и в словах низ, никнуть) [18, I, с. 573]. По данным словаря М. Фасмера, вникать образовано из в- + -никать, далее от праславянской формы, от которой в числе прочего произошли: русск.-церк.-слав. никнути «вырастать», ст.-слав. Възникнѣти. Автор приводит ряд однокоренных слов из разных славянских языков, объединенных значением «давать ростки, прорастать, появляться», и даже сближает с латышск. *Nāiks* «злой, яростный, гневный, быстрый», далее греч. *Νεῖκος* «ссора, спор», *νεῖκέω* «ссориться, набрасываться», *νῆκη* «победа», *νῆκᾶω* «побеждаю» [17]. Из всех этимологических привязок наиболее значимой нам представляется связь глагола вникать / вникнуть с проникать / проникнуть, помогающая, на наш взгляд, точнее уяснить суть процесса «вникать / вникнуть» – добраться (в прямом смысле) до сути и истины.

Интересен тот факт, что, хотя в основе вникать лежит также совсем не ментальное, а скорее значение физического действия, данные словаря XI-XIV веков дают примеры его «интеллектуального» употребления: Вникну въ глубины духовныя (Григория Богослова 16 слов, XIV в.) [14, I, с. 388]; вникнущи помыслы души своей, оувы мне (Лаврентьевская летопись, 1377 г.) [14, I, с. 388]; вникнем и наоучимся (Пандекты Никона Черногогорца, 1296 г.) [14, I, с. 388]. В Успенском сборнике также обнаружен пример с глаголом вникнуть: савелиово и порьфурово и фотиново злымысла въ не же вник [16, с. 437] – «вник в злые мысли, понял их». Таким образом, нами обнаружен пример глагола интеллектуальной деятельности вникнути, который активно употреблялся уже XIV веке и пронес своё значение глубокого понимания вплоть до современности (ср. объекты понимания в данном случае: вникнуть в глубины духовные, в помыслы души и т.д.).

Говоря о поле интеллектуальной деятельности, нельзя не сказать про корень -зна-, с участием которого образованы многие лексемы ментального поля. В частности, глаголы сознать / сознать, осознать/осознать, которые в современном русском языке является практически полными синонимами к понимать, в древнерусском языке языке не зафиксированы. Имеется лишь родственное ему слово сознати, но употреблявшееся в значении «признавать»: Сознаваю сим мои листо (т.е. признаю сим...) [14, III, с. 709]. В словаре XI-XVII веков и Успенском сборнике словоформы сознати или осознати не зафиксированы. И это тем более удивительно, учитывая, что корень -зн- по своему происхождению может быть отнесен к изначально «интеллектуальным».

Корень *zna- восходит к индоевропейскому *g'en-: *g'ne: *g'no – «знать, узнавать» [цит. по: 18, I, с. 327]. В качестве ближайших соответствий приводятся др.-в.-нем. *Kunnan* – «знать», «быть в состоянии, мочь» (откуда совр. англ. *Can* – «мочь, уметь»), латинское *cognosco*: *posco* (с утратой начального g) – «познаю, узнаю, постигаю», греческое *gignoxo* с тем же значением и удвоением согласного, а также др.-инд. *Janati* «знает, понимает, учится». Известно, что славянский -зн- соответствует латинскому -gn-, который находим во многих словах, так или иначе связанных с познанием: гносеология, когнитология, рекогносцировка и т.д.

Однако на данный момент ученые сходятся в том, что соврем. – зна-, восходящий к индоевроп. *ĝen- «знать», тождественен *ĝen- «рождать(ся), быть родственным». И здесь мы также обнаруживаем ряд однокоренных слов, смысловым центром которых является значение «рождать», «рождаться»: гены (передающиеся при рождении), жена (рождающая, передающая гены), англ. *Generation* (поколение), *pregnancy* (беременность) и т.д. По всей видимости, два этих смысловых центра – «знать» и «рождать» – изначально определенным образом переплетаются. Особенно, на наш взгляд, это видно на примере слова гений – рожденный умным. Сложно сказать, какой признак доминирует в этом слове: наличие неординар-

ных умственных способностей или их прирожденный характер. Возможно, первоначально знать – «отличать, узнавать» (своих сородичей по родовому знаку).

И, наконец, несколько возвышенная, но, тем не менее, имеющая самое непосредственное отношение к интеллектуальному полю и являющаяся синонимом слов понять и понимать видовая пара разуместь / уразуметь. В древнерусском языке этот глагол имел два случая написания – разоумети и розоумети – и изначально употреблялся именно в значении понимания. Успенский сборник насчитывает 111 употреблений глагола разоумети, а словарь Срезневского подтверждает его ментальное значение: Оуразумев онъ, яко слепости щенят зверь молится [14, III, с. 1253]; Ороузумевъ, яко си солгаша им [14, III, с. 1257].

Обратившись к внутренней форме слова, мы без труда вычленим в нем корень -ум-, который происходит от праслав. формы *umь, от которой, в свою очередь, в числе прочего произошли: др.-русск. умь, ст.-слав. Оумь (др.-греч. Νοῦς); словенск. Um, чешск., словацк., польск. um., латышск. Uoma «ум», лит. Ūmas «смысл», вероятно, заимств. из слав. Родственно лит. Aumiõ «разум», вост.-лит. Aumenis «память», omenis, omena, «сознание, чувство», omẽ «повадка, инстинкт» [17]. На первый взгляд, «интеллектуальный» корень, но по данным историко-этимологического словаря П. Я. Черных, он восходит к общеиндоевропейскому *au- «воспринимать органами чувств, понимать» (ср. аудио того же корня). Тот же корень, что и в древнеиндийском avati «замечает, принимает во внимание»; общеславянское (j)aviti – явити, явь, наяву [18, II, с. 290].

Таким образом, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что в основе глагола разуместь лежит ментальный корень, скорее, это глагол восприятия или физического явления.

В данной статье мы попытались дать историко-этимологический анализ некоторых единиц поля интеллектуальной деятельности русского языка. Точнее, рассмотрению подверглись корневые морфемы с «ментальным» значением: -мудр-, -мысл'-, -дум-, -ум-, -м(и)н-, -зна- и глаголы лексико-семантической группы понимания: понимать, постигать, вникать, сознавать, уразумевать. Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы.

Родство славянского *myslь и общеиндоевропейского *men- было убедительно доказано еще в 1963 году В. Н. Топоровым. К корню *men- восходят еще три важных для поля интеллектуальной деятельности корневых морфемы: -мудр- (через посредство *mondh-), -дум- (в результате метатезы согласных) и чередующийся -м(и)н-/-мя- (как результат изменения сочетания с носовым гласным). То есть *men- – одна из узловых, ключевых точек на карте поля ментальности, в которой сходятся (а точнее сказать, из которой выходят) четыре важных потока. В любом случае *men- – самый интеллектуальный корень, так как изначально он обозначал определенного рода мыслительную деятельность или усилие.

Вопрос о статусе еще одного важного гнезда с корнем -зна- является спорным, так как первооснова *ǰen-, по всей видимости, изначально имела два значения: ментальное «знать» и нементальное «рождать(ся)», что отразилось в двух рядах производных от этой основы слов.

Вызывает интерес судьба слова ум, которое, по всей видимости, восходит к *au- «воспринимать органами чувств», а значит, выпадает из поля ментальности.

ЛСГ глаголов понимания в древнерусском языке была значительно уже, чем в современном, и концентрировалась вокруг двух доминант: глагола вникнути и высокочастотной видовой пары разоумети / уразоумети. Впоследствии в группу глаголов понимания вошли и приобрели значение интеллектуальной деятельности глаголы иных ЛСГ, а именно пояти, постигнути.

Для описания понимания русский язык изначально «брал» нементальные и неинтеллектуальные корни (примеры с глаголами понимать, постигать, вникать подтверждают это), ему как будто было недостаточно ментальных корней -мысл- / -мышл- и -дум- и др. Для описания ситуации понимания языку требовались корневые морфемы других семантических групп, подчеркивающие сложность этого процесса и его специфику как процесса достижения нового знания. Примеры происхождения глаголов понимать, постигати и вникнути показывают, как изначально глагол приобщения имати, глагол движения достигати и глагол конкретного физического действия проникнути превратились в глаголы интеллектуальной деятельности со значением «иметь что-либо взятым, понятым», «достичь понимания» и «проникнуть в суть чего-либо».

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа «считать» // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 7-22.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 31-54.
3. Гак В. Г. Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка: Ментальные действия / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М.: Наука, 1993. – С. 22-29.
4. Егина Е. Н. Семантические изменения древнерусских глаголов мышления в процессе словообразования / научн. ред. С. П. Лопушанская // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 2000. – С. 388-408.
5. Кузнецова Э. В. Русская лексика как система: учеб. пособие. – Свердловск: УрГУ, 1980.
6. Макеева И. И. Исторические изменения в семантике некоторых русских ментальных глаголов // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 40-45.
7. Милованова М. В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении: монография. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2007.

8. Омельченко С. Р. Интенциональность мысли и семантика ментальных глаголов // Человек в современных философских концепциях: материалы Третьей Международ. научн. конф. В 2 т. – Волгоград, 2004. – Т. 2.

9. Пименова М. В. Семантические классы и формальная характеристика ментальных глаголов в русском и английском языках / М.В. Пименова // Языковая картина мира: материалы Всероссийской конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 18-20.

10. Топоров В. Н. К этимологии славянского *myslь // Этимология. – М., 1963. – С. 5-13.

Источники и словари

11. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – [Электронный ресурс]: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/search.asp>

12. СДЯ 11-14 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. В. Б. Крысько. – М.: Русск. яз., 1988 (издание продолжается).

13. СРЯ 11-17 – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975 (издание продолжается).

14. СС – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III / репринт. изд. – М., 1989.

15. ТСРГИО – Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.

16. УС – Успенский сборник XII – XIII вв. / под ред. С. И. Короткова. – М., 1971.

17. Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева: в 4 т. – М., 2004.

18. Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русск. яз., 1999.